

ОБРАЗ ТОТАЛИТАРНОГО ГОСУДАРСТВА В РОМАНЕ «МЫ» Е. И. ЗАМЯТИНА**Г.Б.Рузметова¹**

Mas'ul muallif: Рузметова Гузаль Багандиковна, преподаватель-стажёр Азиатского государственного университета, г.Ургенч.

Received: 12 Oktabr 2026

Accepted: 17 Oktabr 2026

Published: 22 Oktabr 2026

Copyright: © 2026 by the author(s). Licensee Buxoro xalqaro universiteti ilmiy axborotnomasi.

Iqtibos uchun: Рузметова, Г. Б. ОБРАЗ ТОТАЛИТАРНОГО ГОСУДАРСТВА В РОМАНЕ «МЫ» Е. И. ЗАМЯТИНА / Г. Б. Рузметова // Buxoro xalqaro universiteti ilmiy axborotnomasi. — 2026. — Т. 10, № 2. — В. 230–233.

1. преподаватель-стажёр Азиатского государственного университета, г.Ургенч

Аннотация. В статье исследуется образ тоталитарного государства в романе-антиутопии Е. И. Замятина «Мы» (1920). Показано, что Единое Государство изображено писателем не как простое воплощение насилия, а как система, возводящая в абсолюте математическую рациональность и подчиняющая ей все сферы человеческой жизни. Анализируются механизмы обезличивания («нумера», униформа, Часовая Скрижаль), тотального контроля (стеклянная архитектура, Бюро Хранителей), сакрализации власти (Благодетель, День Единогласия), регламентации чувств («розовые талоны») и насильственного уничтожения «души» (Великая Операция). Особое внимание уделено пространственной оппозиции Единого Государства и мира за Зелёной Стеной. Сделан вывод о том, что Замятин вскрывает внутреннюю иррациональность режима, провозглашающего разум высшей ценностью, а роман сохраняет значение как предостережение об опасности подавления личности во имя «общего блага».

Ключевые слова: Е. И. Замятин, «Мы», антиутопия, тоталитаризм, Единое Государство, обезличивание, контроль, свобода личности.

Y. I. ZAMYATINNING «BIZ» ROMANIDA TOTALITAR DAVLAT OBRAZI

Annotatsiya. Maqolada Y. I. Zamyatinning «Biz» antiutopik romanidagi (1920) totalitar davlat obrazi tahlil qilinadi. Yagona Davlat yozuvchi tomonidan oddiy zo'ravonlik timsoli sifatida emas, balki matematik ratsionallikni mutlaqlashtirib, inson hayotining barcha sohalarini o'ziga bo'ysundiradigan tizim sifatida tasvirlangani ko'rsatilgan. Shaxssizlantirish («nomerlar», yagona kiyim, Soatbay Jadval), umumiy nazorat (shisha arxitekturasi, Qo'riqchilar byurosi), hokimiyatni muqaddaslashtirish (Ezgu Hukmdor, Yakdillik kuni), his-tuyg'ularni tartibga solish («pushti talonlar») hamda «ruh»ni majburan yo'q qilish (Buyuk Operatsiya) mexanizmlari ko'rib chiqiladi. Yagona Davlat bilan Yashil Devor ortidagi olam o'rtasidagi fazoviy qarama-qarshilikka alohida e'tibor qaratilgan. Muallif Zamyatin aql-idrokni oliy qadriyat deb e'lon qiluvchi tuzumning ichki irratsionalligini ochib berishi, roman esa shaxsni «umumiy farovonlik» nomidan bostirish xavfi haqida ogohlantirish sifatida o'z ahamiyatini saqlab qolishi haqida xulosa qilinadi.

Kalit so'zlar: Y. I. Zamyatin, «Biz», antiutopiya, totalitarizm, Yagona Davlat, shaxssizlantirish, nazorat, shaxs erkinligi.

THE IMAGE OF THE TOTALITARIAN STATE IN YEVGENY ZAMYATIN'S NOVEL WE

Abstract. The article examines the image of the totalitarian state in Yevgeny Zamyatin's dystopian novel «We» (1920). It is argued that the One State is portrayed not merely as an embodiment of violence but as a system that elevates mathematical rationality to an absolute and subordinates to it every sphere of human life. The study analyses the mechanisms of depersonalization (the «numbers», uniforms, the Table of Hours), total surveillance (glass architecture, the Bureau of Guardians), the sacralization of power (the Benefactor, the Day of Unanimity), the regulation of feelings («pink tickets») and the forcible destruction of the «soul» (the Great Operation). Particular attention is paid to the spatial opposition between the One State and the world beyond the Green Wall. The author concludes that Zamyatin exposes the inner irrationality of a regime that proclaims reason its supreme value, and that the novel remains a warning against the suppression of the individual in the name of the «common good».

Keywords: Yevgeny Zamyatin, «We», dystopia, totalitarianism, the One State, depersonalization, surveillance, individual freedom.

Роман Евгения Ивановича Замятина «Мы» занимает особое место в истории мировой литературы XX века: он стал одной из первых развёрнутых антиутопий, в которой будущее общество показано как следствие последовательного воплощения утопической идеи. Обращение к этому произведению сегодня обусловлено не только его историко-литературной значимостью, но и устойчивым интересом современного читателя и исследователя к проблеме соотношения личности и власти, свободы и «безопасности», индивидуального и коллективного начал.

Цель статьи - проанализировать, как в романе «Мы» [5] выстроен образ

тоталитарного государства и какими художественными средствами писатель раскрывает его природу. Для достижения цели ставятся следующие задачи: определить историко-литературный контекст романа; рассмотреть принципы математизации и рационализации жизни в Едином Государстве; проанализировать механизмы контроля и сакрализации власти; выявить способы подавления эмоций и «души»; осмыслить пространственную оппозицию «Единое Государство - мир за Зелёной Стеной».

Материалом исследования служит текст романа «Мы», а также публицистика Замятина. Методологическую основу составляют историко-литературный и сравнительно-типологический подходы, мотивный анализ и приёмы медленного чтения. Теоретическую базу образуют работы А. Шейна, Л. Геллера и М. Нике, Е. Б. Скороспеловой, Х. Арендт и М. Фуко.

Роман был написан в 1920 году в революционном Петрограде. Замятин, по профессии корабельный инженер, к этому времени имел за плечами не только литературный опыт, но и профессиональный: в 1916–1917 годах он работал в Англии над строительством ледоколов [12, с. 97]. Инженерное мышление и знакомство с западной культурой организации труда отчётливо сказались на художественной системе романа, где центральные образы связаны с математикой, механикой и техникой.

Позиция Замятина-писателя ясно выражена в статье «Я боюсь» (1921). Настоящая литература, по его убеждению, возможна лишь там, где её создают не исполнительные чиновники, а «безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики» [7]. Именно эти фигуры - еретик, мечтатель, бунтарь - оказываются героями «Мы», а их антагонистом становится государство, в котором литература и мысль поставлены на службу власти.

Судьба романа отразила его проблематику. В Советской России «Мы» не было опубликовано: сначала оно было признано идеологически неприемлемым, а позднее стало поводом для травли автора. Впервые роман вышел в английском переводе в Нью-Йорке в 1924 году, на русском языке в сокращённом виде появился в пражском журнале «Воля России» в 1927 году, полным текстом был издан в Нью-Йорке в 1952 году, а в СССР опубликован лишь в 1988 году [12, с. 38]. Дж. Оруэлл в рецензии 1946 года увидел в «Мы» произведение, близкое по замыслу к роману Хаксли, а в истории литературы «Мы» принято рассматривать как предшественника романов «О дивный новый мир» О. Хаксли и «1984» самого Оруэлла [11]. Вопрос о прямом влиянии остаётся дискуссионным: так, сам Хаксли отрицал знакомство с романом Замятина. Типологическое родство этих произведений, однако, не вызывает сомнений.

Принципиально важно, что «Мы» нельзя считать лишь пародией на утопию вообще. Исследователи отмечают, что русская культура начала XX века была насыщена утопическими проектами социального переустройства, а идея «нового человека» и коллективного «мы» занимала центральное место в пролеткультовской поэзии и теоретических построениях эпохи [2]. Замятин доводит эти идеи до логического предела и показывает их оборотную сторону. Следует учитывать и терминологический аспект: понятие «тоталитаризм» получило теоретическое осмысление значительно позже, в работах Х. Арендт [1], а Замятин писал до формирования зрелых тоталитарных режимов. Поэтому правильнее говорить о том, что писатель с исключительной чуткостью угадал саму логику тоталитарного устройства общества. В этом смысле роман принято связывать и с литературной традицией русского неореализма, для которой характерны гротеск, условность и философская заострённость образа [3].

Основные механизмы, на которых строится образ Единого Государства, можно свести к следующим признакам:

- обезличивание: замена имени номером, одинаковая форма одежды, единое расписание жизни;
- тотальный контроль: стеклянная архитектура, Бюро Хранителей, вмешательство в сознание;
- сакрализация власти: культ Благодетеля, безальтернативные «выборы», публичные казни;
- регламентация чувств: «розовые талоны», объявление «души» болезнью;
- изоляция от природы: Зелёная Стена, отделяющая город от «дикого» мира.

Основу Единого Государства составляет идея рационального, математически выверенного порядка. Уже в первой записи рассказчик, математик и строитель космического корабля «Интеграл» Д-503, говорит о задаче подчинить «благодетельному игу разума» неведомые существа на других планетах [5, запись 1]. Показательно, что идея насильственного «осчастливливания» заложена в основание государства с самого начала и распространяется даже за пределы Земли.

Главным воплощением рационализации быта становится Часовая Скрижаль, расписывающая день граждан по минутам: подъём, приём пищи, работа, прогулка и сон происходят одновременно для всех. Замятин иронически обыгрывает идеи научной организации труда Ф. У. Тейлора [9], которого в романе почитают как величайшего из «древних». Тейлоровская идея разложения трудового процесса на элементарные операции перенесена из сферы производства в сферу всей жизни: человек превращается в деталь механизма, а время его существования становится ресурсом государства. Даже ритуальное тщательное пережёвывание пищи демонстрирует стремление регламентировать самые интимные физиологические процессы.

Центральным приёмом обезличивания является замена имени номером. Граждане Единого Государства - «нумера», обозначаемые сочетанием буквы и цифр (Д-503, I-330, О-90, Р-13). Отказ от имени означает отказ от личной истории, семейных связей, культурной памяти. Одинаковая форма одежды, в романе называемая «юнифой», довершает этот процесс: внешнее различие стёрто так же, как и внутреннее. Единственная форма

самоидентификации - принадлежность к целому. Недаром повествование ведётся от имени «мы», а отдельное «я» воспринимается как нечто не просто нежелательное, но почти преступное. Как отмечает Е. Б. Скороспелова, для Замятина именно подмена личности безличным коллективом оказывается главным признаком «рационалистической» утопии [8].

Таким образом, математизация в романе выступает не как нейтральный метод познания, а как идеология. Число становится средством властвования: всё, что нельзя выразить в числе, объявляется несуществующим или вредным.

Символом государственного контроля в романе становится стекло. Жилища, учреждения, стены домов сделаны из прозрачного материала, и жизнь каждого нумера открыта взору соседей и надзирателей. Шторы разрешено опускать лишь в «сексуальные дни» по специальному талону. Прозрачность подаётся как достижение цивилизации: исчезновение тайны объявляется освобождением от «грязи» древнего мира. На деле же она означает уничтожение частной жизни как таковой.

Функцию надзора выполняет Бюро Хранителей, сотрудников которого называют «ангелами-хранителями». Сам выбор слова показывает, как государство присваивает религиозный язык и превращает слежку в заботу. Подобный механизм ярко описан в теоретических работах М. Фуко, показавшего, что современная власть действует не столько через открытое принуждение, сколько через постоянную видимость подконтрольного человека, который в конечном счёте начинает сам контролировать себя [10]. Стеклопанная архитектура Единого Государства оказывается художественным аналогом такого «паноптического» принципа: гражданин, знающий, что за ним наблюдают, становится собственным надзирателем.

Контроль не ограничивается поведением. Государство стремится овладеть самым внутренним миром человека. Кульминацией этой тенденции становится Великая Операция - обязательное хирургическое удаление «центра фантазии». После неудавшегося восстания власть объявляет Операцию всеобщей и обязательной. Здесь логика режима доведена до предела: если воображение порождает сомнения, а сомнения порождают бунт, воображение должно быть устранено физически. Характерно, что это преподносится как избавление от болезни, то есть насилие вновь облекается в форму заботы.

Во главе государства стоит Благодетель. Его облик наделён чертами одновременно божества и механизма: он вершит суд, его слово абсолютно, а «выбирают» его ежегодно на так называемом Дне Единогласия, где альтернатива не предусмотрена. Выборы, лишённые выбора, превращаются в ритуал, подтверждающий сакральный статус власти. Сходную роль играют общественные церемонии - «литургии», на которых нумера хором славят государственный порядок. Литература, музыка и наука подчинены той же цели: государственные поэты воспевают Благодетеля, а искусство лишено самостоятельной ценности.

Казнь, совершаемая на глазах у всех с помощью Машины Благодетеля, представляет собой ещё один ритуал. Она одновременно демонстрирует силу государства и закрепляет представление о том, что воля единицы ничтожна перед волей целого. Религиозная лексика пронизывает весь государственный язык, и это не случайно: Замятин показывает, что рационализм, превращённый в догму, оборачивается новой религией со своими жрецами, обрядами и жертвами.

Исследователи давно указывали на связь романа с «Легендой о Великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского [4, т. 15, с. 198; 12]. В обоих текстах власть присваивает право решать за людей, чего они должны желать, и предлагает им «счастье» в обмен на свободу, считая бремя свободы непосильным для человека. Благодетель Замятина - это Великий инквизитор, ставший государственным институтом: его «забота» о гражданах не знает исключений и поддерживается всей мощью государственного аппарата. Главная особенность модели Замятина состоит в том, что счастье здесь «вычислено» и производится как продукт: оно измеряется, нормируется и распределяется.

Особое место в романе занимает регламентация любви. Государство не запрещает физическую близость, но превращает её в административную процедуру: по «розовым талонам» номер получает право на другого номера в определённые часы. Тем самым личные отношения лишаются индивидуального содержания, сводятся к физиологической потребности и встроены в общий график. Подлинная любовь, связанная с выбором и ревностью, угрожает порядку, потому что создаёт привязанность, не опосредованную государством, то есть формирует «я» вопреки «мы».

Трагедия Д-503 состоит именно в пробуждении этого «я». Встреча с I-330, женщиной независимой и бунтарской, нарушает его размеренный мир: рассказчик, прежде убеждённый в совершенстве Единого Государства, начинает испытывать неведомые ему чувства - страсть, ревность, сомнение. Врач, к которому он обращается, ставит диагноз: у номера образовалась «душа». Сам этот диагноз показателен: то, что в традиционной культуре составляет сущность человека, в мире романа воспринимается как заболевание. Замятин сознательно сталкивает два мировоззрения. Одно сводит человека к функции, другое отстаивает ценность его внутреннего мира. Не случайно в романе возникает формула, противопоставляющая «мы» и «я»: коллективное начало представлено как божественное, а индивидуальное - как дьявольское.

Финал романа сознательно лишён утешения. Бунт подавлен, I-330 погибает под Газовым колоколом, а Д-503 подвергается Великой Операции. Лишённый «фантазии», он спокойно наблюдает за казнью любимой женщины и завершает записи словами о победе разума: «Я уверен - мы победим. Потому что разум должен победить» [5, запись 40]. Эта заключительная формула многозначна. С одной стороны, она свидетельствует о

полном поражении личности. С другой, в самой механической, лишённой живого чувства интонации героя читатель должен расслышать приговор системе, победившей ценой уничтожения человеческого в человеке.

Пространственная организация романа построена на последовательной оппозиции. С одной стороны - стерильный стеклянный город, ограждённый Зелёной Стеной, с другой - «дикий» мир природы за ней. Стена выполняет двойную функцию: защищает нумеров от «хаоса» и изолирует их от всего естественного. Государство стремится разорвать связь человека с природой, потому что природа воплощает непредсказуемость, стихийность, свободу, то есть всё то, что нельзя вычислить.

Не случайно именно за Стеной обнаруживается община людей, отказавшихся от «благ» Единого Государства, а встреча с ними становится для героя потрясением. Пространство за Стеной связано с телесностью, цветом, запахом, живой растительностью, тогда как мир внутри Стены строится на геометрии, прозрачности и стерильности. Противопоставление «ограждённого» и «открытого» пространства получает у Замятина и философское обоснование. В статье «О литературе, революции, энтропии и прочем» писатель утверждал, что покой и неподвижность тождественны смерти, а развитие требует постоянного движения, ереси и «непокоя» [6, с. 293]. Единое Государство мыслит себя завершённым и совершенным, а значит, стремится остановить время. Образ Стены становится образом этой попытки.

Идея «последней революции», которой государство обосновывает своё существование, оказывается ложной, и роман настойчиво утверждает, что любой окончательный порядок означает смерть. Именно поэтому образ тоталитарного государства у Замятина не сводится к обличению конкретного политического строя. Это обобщённая модель любого мировоззрения, претендующего на окончательное знание о том, как должен жить человек.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, образ тоталитарного государства в романе «Мы» строится на принципе абсолютизации рационального начала: математическая точность и логика объявляются высшими ценностями и становятся инструментом власти. Во-вторых, ключевыми механизмами подавления личности являются обезличивание (замена имени номером, униформа, Часовая Скрижаль), тотальный контроль (стеклянная архитектура, Бюро Хранителей), сакрализация власти (Благодетель, День Единогласия, ритуальные казни) и регламентация чувств («розовые талоны», Великая Операция). В-третьих, оппозиция Единого Государства и мира за Зелёной Стеной выражает конфликт между стремлением к завершённому порядку и жизнью как непрерывным развитием.

Особая ценность романа заключается в раскрытии внутренней иррациональности режима, который провозглашает торжество разума, а на деле опирается на насилие, страх и принудительное «счастье». Замятин показал, что подобная система способна существовать только при условии уничтожения самой человеческой индивидуальности. Роман остаётся предостережением об опасности безграничного контроля и подтверждает необходимость защиты свободы мысли и личного достоинства человека.

Список использованной литературы

- [1] Арендт, Х. Истоки тоталитаризма. - М.: ЦентрКом, 1996.
- [2] Геллер, Л., Нике, М. Утопия в России. - СПб.: Гиперион, 2003.
- [3] Давыдова, Т. Т. Русский неореализм: идеология, поэтика, творческая эволюция. - М.: Флинта; Наука, 2005.
- [4] Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы // Полное собрание сочинений: в 30 т. - Л.: Наука, 1976. - Т. 15. - С. 198.
- [5] Замятин, Е. И. Мы: роман // Избранные произведения. - М.: Советская Россия, 1990. - С. 15-154. (В тексте статьи ссылки на роман даны по номеру записи, единому для всех изданий.)
- [6] Замятин, Е. И. О литературе, революции, энтропии и прочем // Сочинения: в 4 т. - München: A. Neimanis, 1988. - Т. 4. - С. 293.
- [7] Замятин, Е. И. Я боюсь // Дом искусств. - Пг., 1921.
- [8] Скороспелова, Е. Б. Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). - М.: ТЕИС, 2003.
- [9] Тейлор, Ф. У. Принципы научного менеджмента. - М.: Контроллинг, 1991.
- [10] Фуко, М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. - М.: Ad Marginem, 1999.
- [11] Orwell, G. Freedom and Happiness // Tribune. - 1946. - 4 January.
- [12] Shane, A. M. The Life and Works of Evgenij Zamjatin. - Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1968.